

Познакомившись с вёрсткой книги, бывший директор Энгельсского мясокомбината Александр Фёдорович Галаган сделал такой комментарий:

«К 1960-м годам в Саратовской области резко увеличилось поголовье скота, стала остро ощущаться нехватка мощностей основных цехов: убойного, колбасного, холодильника. Приказом Минмясомолпрома главному институту «Гипромясо» было поручено выполнить проект реконструкции. На предприятии стало ощущаться отсутствие молодых специалистов (выпускников институтов).

В это время, с 1960 года по 1963 год, на мясокомбинат пришла большая группа выпускников вузов: ветеринарные врачи Анатолий Николаевич Малов, ставший директором МЖК (убойного), Нина Ивановна Малова, ставшая заведующей химлабораторией, Александр Андреевич Курьянов – инженер-холодильщик, ставший впоследствии главным инженером; ветеринар Геннадий Васильевич Кудряшов, ставший начальником ОПВК, Александр Фёдорович Галаган, назначенный инженером-электриком, а затем главным энергетиком и впоследствии выросший до директора Энгельсского мясокомбината; Виктор Алексеевич Москальчук – микробиолог, возглавивший реконструкцию завода медпрепаратов. Позже поступили на работу Валентин Илларионович Кашичкин, ставший начальником КБ, и другие. Эта плеяда специалистов обеспечила работу с проектировщиками «Росглавмясо» и реконструкцию мясокомбината. Нельзя не отметить исключительную роль блестящего директора Георгия Григорьевича Чолокяна. И очень жаль, что перестройка погубила хорошее предприятие».

Дочитав до конца раздел, посвящённый мясокомбинату, своему родному предприятию, Александр Фёдорович Галаган, погоревав о погибшем комбинате и сравнив его судьбу с другими подобными гигантами пищевой индустрии («в Семипалатинске тоже мясокомбинат до кирпичика разобрали»), всё же не захотел, чтобы последняя нота оставалась минорной, заметив на полях рукописи: «Но вместе с тем жизнь идёт, и на территории мясокомбината появляются новые производства: цех крупяного производства, «Эльтон», производство отопительных котлов и другие фирмы».

О ВОЕННОМ ВРЕМЕНИ

Совет Народных Комиссаров СССР своим постановлением № 567 от 16 июня 1931 года определил построить в течение 1931–1934 годов 57 новых мясокомбинатов, в том числе и наш, Энгельсский.

Ведение строительных работ всего комплекса мясокомбината поручили тресту «Мясохладстрой» Наркомснаба СССР. Первые строители, вслед за геодезистами, приехали летом 1931 года. Разместили их в селе Анисовка. Строительная площадка мясокомбината была соединена двухкилометровой железнодорожной веткой со станцией Анисовка. На строительство мясокомбината было ассигновано 50 миллионов рублей. 16 августа 1931 года приступили к закладке фундамента. Этот день считается началом строительства.

*Аллея возле мясокомбинатских домов.
Фотография 1950-х годов.*

Наряду с промышленным велось и жилищное строительство. Было возведено шесть трёхэтажных жилых домов и двадцать жилых зданий барачного типа.

В одном из этих барачков – номер шестнадцать – мне пришлось жить с 1941 года. Было построено примерно такое же число барачков вдоль железной дороги, где сейчас Дом культуры «Покровский». Там же была пекарня, в которой в конце войны жили пленные немцы, работавшие на мясокомбинате. Новую пекарню позже построили там, где сейчас музыкальная школа.

Велась интенсивно и индивидуальная жилищная застройка. В числе первых поставили дома по улице Пролетарской (ныне улица Ю.А. Гагарина) Михаил Иванович Хирный, Иван Мартынович Карга, Пётр Никитович Хирный. Курганов дядя Андрей (отчество его я забыл) работал возчиком на мясокомбинате. Его покосившийся дом до последнего времени стоял недалеко от мясокомбинатской остановке.

Для строительства мясокомбината обожжённый кирпич доставлялся из города Энгельса, в основном гужевым транспортом. Народная мудрость гласит: «Везёт не конь, а дорога». На повестку дня встал вопрос о строительстве грейдерной дороги, мощёной булыжником, связывающей мясокомбинат с городом. В тридцатые годы мясокомбинатское шоссе было построено. Наш 16-й барачок стоял рядом с шоссе, как раз рядом с перекрёстком, который ведёт к поликлинике, а ранее – к проходной завода. Мне в войну, в 1942–1944 годах, довелось наблюдать, как некоторые молодые рабочие, зацепившись крючком за автобус, на коньках ехали из города на завод. Пример для нас, ребяташек, был дурной, но что поделаешь? Ведь был закон: за опоздание на работу на двадцать минут – судить. Помню одного школьника, который зацепился за машину крючком, а затем отцепился, и его прицепом сбило насмерть. Не могу не сказать о том, что позже, уже в 60-х годах шоссе было заасфальтировано за счёт средств приборостроительного завода.

16 февраля 1936 года Энгельсский мясокомбинат вступил в строй. Это была большая трудовая победа! Холодильник был сдан раньше – 1 октября 1935 года. Первая очередь колбасного завода была пущена в 1940 году.

К 1940 году мясокомбинат стал крупнейшим предприятием, имеющим подразделения: завод первичной переработки скота, мясожировой завод, колбасный завод, котельную, компрессорную, механические мастерские, цех органопрепаратов, цех концентратов, цех ширпотреба, пожарное депо и другие службы. (Цех органопрепаратов впоследствии стал цехом медпрепаратов, выпускал различные виды медицинской продукции: гематоген, натуральный желудочный сок, пепсин, тирсодин, мамин, эндокринспермин и др). В годы войны освоили выпуск нового ампульного препарата – «советский комполон». В 1945 году стали производить пенициллин в лабораторных условиях, а в 1946 году – в серийном производстве. Во время американо-вьетнамской войны выпускали искусственную кровь. Начальником цеха в годы войны была Софья Сергеевна Моторная, а в 1950 году её сменила Надежда Андреевна Конопля.

Стены холодильника были изолированы торфоплитой, двери были массивными, закрывались винтовыми затворами. Температура там поддерживалась постоянно минус 19–20 градусов по Цельсию и даже ниже. Мясо хранилось по пять лет. Был такой случай. Рабочий работал в камере, и случайно его закрыли на ночь. Вот, говорит, чтобы не замёрзнуть, всю ночь перекладывал туши с одного места на другое.

Достроить мясокомбинат помешала война. Корпус «бойня» и часть колбасного завода (копильное отделение) были переданы приборостроительному заводу, эвакуированному из Москвы. В 1964 году под руководством Георгия Григорьевича Чолокяна был реконструирован холодильный корпус и введён комплекс «бойня», скот поднимался на третий этаж и после забоя и разделки опускался вниз, там же был и шкуропосолочный цех.

В посёлок Мясокомбината я приехал вместе с моей матерью в конце декабря 1941 года из Тамбовской области к своей сестре Шатохиной Марии, которая жила здесь с 1939 года. Чтобы добраться до Мясокомбината, надо было доехать от вокзала до Волги на трамвае. Трамвайное движение было от памятника Ф.Э. Дзержинскому у вокзала и до второго кольца вокруг церкви у краеведческого музея. Дорога через Волгу, по льду, была обозначена вешками, по которой двигался солидный поток людей в ту и другую стороны. Иногда нас догоняли повозки. Дойдя до Покровского вокзала, мы вечером сели в поезд, который ходил два раза в день до Саратова.

Сестра жила с маленьким сыном в 16-м бараке на Транспорте, мужа взяли в армию. Школа, которая была в двухэтажном здании (ныне № 4, бывшая двухэтажная № 22), была занята под заводоуправление, поэтому все школьники ходили в посёлок Анисовка, где школа располагалась на двух сторонах улицы, ныне Суворова. Туда мы ходили три года. В 1944 году школу перевели из Анисовки в посёлок Приволжский, в барак, в котором ранее размещалась 7-я стройконтора, эвакуированная из Днепрпетровска. Эта строительная контора строила жилые бараки и помещения соцбыта. Когда я смотрю на наш замечательный посёлок сейчас, то думаю: какой же колос-

Первые трехэтажные дома, 1940 год.

сальной силой обладает наш народ, который за короткий период времени преобразил наш край. Заволжье было малообжитым, полупустынным краем, с ковыльными и полынными степями. Места эти подавляли путника своей пустынной суровостью, однообразием, безлюдьем. И даже спустя большой период времени, в 1954 году, когда нас, группу студентов, направили в Ершовский район (деревня Кушум, расположенная на речке Малый Узень) строить колхозную электростанцию, то мы, проехав двести километров в кузове грузовой машины, встретили на пути считанные деревца. В тот же 1941 год голые степи простирались от заводских барачков, которые ещё строились, до элеватора с его небольшим посёлком и одной землянки около оросительного канала, в которой жили казахи (Митя Мукаев, наш ровесник, жил в этой землянке).

Были мясокомбинатские бараки, построенные до войны – 28 барачков вдоль железной дороги, где сейчас музыкальная школа. Там же была пекарня, клуб, роддом, столовая, ближе к жилым домам (шесть трёхэтажных домов) двухэтажная школа (во время войны заводоуправление) и 27 барачков на Транспорте. На посёлке практически отсутствовали зелёные насаждения. В связи с этим поднимались песчаные бури, мы называли их «саратовскими дождями». И как тут не вспомнить плакат, изображавший товарища Сталина, прокладывающего лесозащитные полосы. Это сыграло колоссальную роль в защите от суховеев. Из песни слова не выбросишь.

Второе бедствие, с которым пришлось столкнуться в прошлом – нашествие комаров и мошек. Наши бараки были фактически на берегу Волги, и вот начиная с мая месяца стаи мошкар не давали покоя ни днём, ни ночью. От комаров можно было как-то отмахнуться, а вот мошкара буквально облепляла всё живое, и только сетка, намоченная в керосине, давала некоторое облегчение. Помню, как после войны санитарный самолёт «кукурузник» летал над озёрами вдоль берега и разбрасывал какою-то жёлтую жидкость. И это здорово помогало.

Всё, о чём рассказал – это природно-бытовые трудности, а вот война – это страшно. Все, кто пережили Отечественную войну, говорили: «Не дай Бог пережить нашим детям то, что пережили мы!» Чувство постоянного голода практически преследовало повседневно. С самого начала моего приезда я должен был ходить за бульоном, который выдавали во вновь построенном бараке (он был расположен примерно в торце 4-й по-

ликлиники). Давали по три литра бесплатно. Бульон возили с мясокомбината. Хлеб выдавали по карточкам. Рабочим – 700 граммов. Детям – 500 граммов. Нас двое детей, мать – иждивенка – 400 граммов. Итого на нашу семью полагалось 2 килограмма 100 граммов чёрного хлеба, белого не было.

В пору военного времени больших трудов стоило, чтобы не откусить кусочек хлеба, когда идёшь из магазина. Магазинов было два, один напротив мясокомбинатской конторы, другой в заводском бараке, который располагался примерно там, где сейчас находится магазин «Магнит». Люди ходили туда, где были прикреплены хлебные карточки. Очереди огромные, поэтому вставать надо было очень рано. Не могу не вспомнить эпизод, связанный с получением хлеба. Мой племянник Вася Архипов, приехавший к нам из деревни, уснул рано вечером на полу, а комната была 11 метров – две койки, сундук и плита для отопления и варки пищи, и вот он во сне вскочил, мнёт одеяло и кричит: «Где мои карточки?».

Кроме хлеба, по карточкам давали или рыбу, или мясо, но последнее не помню, чтобы отоваривалось, и какое-то количество круп. Примерно то, что сейчас называется потребительской корзиной! Конечно, на эту корзину можно ноги протянуть, поэтому выручал «подножный корм». Сажали картошку, бахчи, которые были между посёлком и элеватором, где сейчас сады. Неприхотливое растение паслён было в ходу, кстати, говорят, оно улучшает зрение. Чтобы собрать два ведра ягод паслёна, надо было сидеть на бахче, на солнцепёке целый день, поэтому у меня к нему до сих пор незаслуженное отвращение. Один раз в моей жизни довелось в 1943 году торговать паслёном с тётей Олей Лапатовой, нашей соседкой по бараку, ездили в Крытый рынок, в Саратов. С моим другом детства, Валентином Похло, ловили раков руками. Как только появлялась возможность опуститься в холодную воду, мы начинали ловить. Озеро Жуково, которое находится под нынешним стадионом, было чистейшим. В нём до войны запрещали купаться, т.к. качали воду для питья и заправки паровозов на станции Анисовка. Водонасосная станция стояла на железнодорожной дамбе. Вот в этом озере мы и ловили. Раки водятся в чистой воде. Процесс был такой: идёшь в воде вдоль берега и ногой ощупываешь его кромку. Как только обнаруживаешь нору, где должен быть рак, ногой затыкаешь её, затем ныряешь и рукой лезешь поверх клешней в нору, затем вытаскиваешь рака и выбрасываешь его на берег. Конечно, пальцы были в царапинах. Так мы ловили до трёхсот штук, потом часть несли на базар, в обмен на «колоб» – жмых, а часть потребляли сами.

В озёрах было очень много рыбы. Помню, в марте 1942 года мы пошли за водой в Жуково, а рыба в это время задыхалась и буквально выпрыгивала в прибрежную прорубь. По два линия мы с Володей, соседом по бараку, поймали руками. Иногда доводилось ловить рыбу бреднем, но это когда кто-нибудь нам его давал. Выручала нас и корова. На Транспорте было в ту пору 17 коров, которых пасли по очереди. Транспортный посёлок называют до сих пор, хотя в наше время не всякий знает

почему. При строительстве мясокомбината, до войны, гужевой транспорт был решающей движущей силой, поэтому была построена конюшня и мельница для фуража. Мельником был одноглазый дед Солодовников (его внук Виктор Солодовников был у меня после войны учеником электромонтёра). Кроме лошадей, там ещё держали верблюдов, которых в 1941-42 годах я ещё захватил. Во время войны в 1941 году там была построена 2-я конюшня 7-й стройконторы, она позже стала заводской. Мельница, которая была на Транспорте, иногда выручала. Когда завозили туда зерно, то мы, пацаны, находили в зернохранилище щель между досками, подставляли фуражку и крючком загружали её. Затем это зерно мололи на ручной мельнице-тёрке, чтобы пустить этот продукт в дело.

Ещё один источник существования – это вывоз отходов с мясокомбината на свалку. Как только появлялась повозка с отходами, проезжающая мимо наших барачков, мы, ребятишки, с крючками в руках обступали её и сопровождали до свалки. Там повозка разгружалась, а мы крючками выбирали, что было съедобное: кусочки мяса, колбасы, дома обжаривали на сковородке и ели. Всего не опишешь, как мы боролись с голодом. А вот что касается налётов немецких бомбардировщиков, это отложилось в памяти не меньше.

Впервые артиллерийскую стрельбу по самолётам довелось увидеть в марте 1942 года. Часов в 6-7 утра на правом берегу началась зенитная стрельба. Мы перешли в противоположную комнату напротив нас. Там жили Никольниковы (Виктор Петрович, мой ровесник, в 1960 годы был начальником 29 цеха приборостроительного завода), окна их комнаты выходили на Волгу. Напротив нашего 16-го барака никаких строений не было, поэтому правый берег просматривался из окна. Мы увидели вспышки разрывающихся снарядов, грохот от выстрелов и загоревшуюся ёмкость. В первый раз это было страшно. Но позже, когда летом бомбёжки стали регулярными, мы стали относиться к ним спокойно, ведь в нас не попадёт! Хотя утром, когда мы с Иваном Лапатовой лазили на крышу за голубями, то осколков там было достаточно.

Мне запомнился эпизод, связанный с налётом самолётов. Это было вечером, часов в шесть-семь, хотя обычно немцы прилетали с немецкой педантичностью, как по расписанию, в 22 часа, а это было какое-то исключение. Началась стрельба зениток, которые были расположены около Анисовского моста. Мы стали наблюдать из коридора нашего барака, а около торца соседнего барака стояла откуда-то эвакуированная девушка лет 16-17-ти. Женщины ей кричат: «Уйди под навес!», а она продолжает стоять, наблюдая за разрывами снарядов. Наконец она отошла в сторону, и тут же на это место шлёпнулся огромный осколок от снаряда!

В начале весны 1942 года хотели установить дежурство в бараке, наверное, на случай пожара от стрельбы. Мы взяли дежурить с моим соседом Володей, часов до 12-ти потерпели и уснули. На этом дежурства прекратились, хотя во время налётов все были начеку. Между бараками были вырыты окопы, хотя прятаться там кроме нас, ребятишек, никому не пришлось. Однажды вечером мы играли в окопе и увидели на Волге

пламя огня и дым, шлейфом тянувшийся в нашу сторону. Мы залезли на крышу и смотрели, как горела баржа. Кроме этого на крекинг-заводе, можно сказать, регулярно, горели нефтяные ёмкости. Вечером, в результате бомбёжек, возникал пожар, который к концу следующего дня тушили. Шлейф чёрного дыма с утра до вечера заслонял солнце. Горели посёлки Правый берег, Увек, Князевка. Но фашисты рвались к главному стратегическому объекту, железнодорожному мосту через Волгу. В ту пору мне не было известно, как организована оборона моста, его защита. Мы только наблюдали то, что видели своими глазами. Проезжая по мосту в Саратов, мы видели, что с обеих сторон стоят зенитные батареи. Когда ходили в лес около моста, то видели, что там стоят заградительные аэростаты, прожектора. Около Анисовского моста также была зенитная батарея. Команды по управлению огнём мы слышали отчётливо: – «Прицел ноль-ноль такой-то – огонь!» Обычно прожектора берут в перекрестье «юнкерс» и ведут его, а зенитки стреляют. В тёмном небе видны вспышки разрывов, снаряды пролетают буквально рядом с самолётом, а он летит и, ускользая от прожекторов, уходит куда-то в сторону фабрики имени Самойлова. Вот что пишет по этому поводу Татьяна Михайловна Иванчук, наша землячка, она училась в школе № 13 и служила вместе с Валерией Дмитриевной Хомяковой, сбившей немецкого аса в ночном бою. «Враг рвался к железнодорожному мосту через Волгу. Как выяснилось в ходе разборов прошедших налётов, они оказывались возможными из-за несогласованности зенитно-артиллерийских частей с авиачастями прифронтового Саратова. Единственно правильным решением оставалось одно: как только самолёты-истребители поднимаются в воздух, зенитный огонь прекращается». И вот ещё из книги «Валерия» письмо, написанное Валерией Хомяковой своим родным.

«Анисовка, 26/ IX-42г.

Мои любимые! Спешу поделиться с вами огромной радостью, которая произошла 24 сентября – я сбила Ю-88 ночью. Первый над Саратовом, первый в нашей дивизии, и первая среди девушек. Вскоре после приезда, я вылетела ночью самостоятельно и 24-го в 10 ч. 05 мин. несколькими очередями одержала победу. Как говорят наблюдатели с земли, убила лётчика с первой очереди, и потом машина пошла в пике, и я ещё стреляла. Ю-88 шёл ещё на задание и взорвался на земле на собственных бомбах. Он был в лучах прожектора, а я нет, и он мог меня обнаружить только по моей трассе, но я меняла направление».

А из книги адмирала флота Ю.А. Пантелеева, который командовал Волжской флотилией, я узнал, как обороняли речники мост, как задымляли его (ставили дымовую завесу), когда немецкие самолёты сбрасывали осветительные ракеты над Сазанкой. Это же рядом с нами! Светло становилось как днём, хоть иголки собирай! Понимали ли мы, дети, опасность? Скажу прямо, только первый раз, когда увидел вспышки снарядов

и услышал грохот орудий, ощутил страх. Потом мы так привыкли, будто ничего особенного. Даже читали вслух книги с сестрой. Это благодаря тому, что оборона моста была хорошо организована. Зенитки стояли за мясокомбинатским забором, на крыше мясокомбинатских корпусов (в которых располагался приборостроительный завод) стояли зенитные пулемёты, за элеватором в сторону Квасниковки. Мы так привыкли к этим налётам, что я мог ночью в 22 часа узнать по гулу, наш это самолёт или чужой. Многие жители барака спали на улице, в палисаднике или на крыше коридора.

Был другой случай. Дядя Вася Ванин из соседнего барака пришёл с фронта. Ночью зенитки стали стрелять по самолётам, в результате обвалилась часть потолка. Утром дядя Ваня говорит: «Туды её мать, посыпалась штукатурка, зажмурил глаза, жду, когда взорвётся, а потом глянул, а половины потолка нет!».

Расскажу, как мы ездили на расчистку снега за Анисовку на аэродром, где базировался ИАТ 568, в котором служила Валерия Хомякова. Зимой 1943 года Мария Георгиевна Жбанова, директор школы и великий педагог, организовала учеников на расчистку аэродрома от снега. С большим энтузиазмом мы очистили заданную нам полосу от снега. В стороне стояли в ряд истребители Як-3. Нам очень хотелось подойти поближе, потрогать, но нам не разрешили. Два домика, рядом землянки, столовая, куда нас привели покормить. Ведь полк-то женский, но мы этого тогда не знали. Мои друзья Валентин Похло и Володя Лапин, наверное, благодаря этой поездке на аэродром стали лётчиками, а Володя Лапин был лётчик-инструктор, сам обучал молодёжь.

В мае 1944 года я окончил семилетку и сразу, в июне месяце, поступил учеником ФЗО (фабрично-заводского обучения), не путать с ФЗУ (училище). ФЗО – входит в трудовой стаж, ФЗУ – не входит. Боец скота. В группе, которой руководил Василий Иванович Свешенков, было двадцать человек. Возраст от 14-ти до 16 лет, мне было 14 лет. Дядя Вася, мы его так звали, был шумливый, до бесконечности добрый человек, небольшого росточка. Для нас он был как отец родной. Звали его «Тимур и его команда». И вот эта команда забивала в смену 500-600 голов крупного рогатого скота и до пяти тысяч голов овец. Как-то я встретил около магазина «Колосок» Ивана Портенко, мы с ним просидели часа два, вспоминая ребят, с которыми работали. От него я узнал, что некоторые ребята, как и сам Иван, были из Вольского детского дома. Наверное, из нас, бывших бойцов военного времени, остались только я да Анатолий Григорьевич Парамонов, мы с ним соревновались на снятии «лобашей» (шкур с бараньих голов, из них выделывали рукавицы и отправляли на фронт), по девятисто штук за смену, дядя Вася нас хвалил.

Работа на бойне была очень тяжёлой. Особенно на нутровке, где стояли тётя Женя Лапина и дядя Гриша Маев (отец Исаака Григорьевича, бывшего директора вечерней школы, который живёт сейчас в Америке). Баранов забивать было проще: их за ногу крючком подтягивали к шнеку, и он поднимал их на рельс, а дальше уже дело техники. Плохо было то, что под этим конвейером

*Корпус холодильника с компрессорным цехом.
Фото 1950-х годов.*

чуть ли не по колено стояла кровь с водой, а сапоги часто были худые. Все операции на конвейере были разделены от забоя скота электрическим током до снятия шкуры на шкуродёрке (конвейер придумал американец Форд для интенсивного труда рабочих; на конвейере не зазеваешься, тебя сразу подгонят). Вот на этот процесс нас с Колей Литвиновым и поставили. Заделанные концы шкур другими ребятами мы зацепляли к шкуродёрке, и она падала с другого конца. Шкуры были очень тяжёлыми (были быки весом по 1200 килограммов), её надо было подтащить и через отверстие отправить в другое, шкурорасолочное, отделение. Вот мы с Колей за смену отправляли до семисот шкур. Смена длилась с восьми утра до восьми вечера. Кругом вода и кровь, а сапоги рваные. Тётя Римма Машкова не успевала их сушить. В результате у меня с молодости ноги судорогой сводит.

В марте 1945 года, когда я уже освоился, меня поставили на «головки», т.е. отрезать головы. Получился затор – остановка конвейера, парень Арнольд, которого мне поставили в помощники, по годам был старше меня, но не мог протолкнуть по монорельсу тушу. Тогда я подошёл, дёрнул её, и она (туша с полтонны) сорвалась и упала на меня, больше я ничего не помнил. Когда очнулся, то вокруг меня собралось высокое мясокомбинатское начальство: Рабинович – главный технолог, Скалин – главный инженер и др. Очнулся, не могу дыхнуть, ударился затылком. Матери кто-то уже успел сообщить, что меня убило. Меня отправили в больницу – роддом, которая была рядом с проходной, наложили шесть скобочек, и положили с роженицами: тётя Лида Купрыгина и другие. Они стали за мной ухаживать, мне было в ту пору 15 лет.

Вскоре после этого случая, в апреле 1945 года, меня перевели в электроцех, как самого грамотного из нашей группы, у меня было 7 классов, а у других 4-5 классов. Коллектив электроцеха был более грамотный. Цех располагался вместе с компрессорной. Начальник цеха, Михаил Петрович Митрофанов, человек, знающий своё дело, очень много курил. Было у него что-то старомодное. Бывает, что очень трудно определить причину остановки электродвигателя, особенно вращавшего компрессоры. Это были синхронные машины, которые позволяли

компенсировать косинус f . Михаил Петрович быстро определит причину, но не расскажет, в чём она. Были молодые ребята очень грамотные. Мне запомнился Давидка Мороз – симпатичный спортивного вида парень. Он был старше меня года на два. Мне объяснял он, какие дефекты бывают по электрической части в работе грузовых лифтов, объяснял очень доходчиво. Однажды он дежурил в ночь. В цеху чуть ли не в центре было отверстие в полу, оттуда лезли крысы (их было на комбинате пропасть, дядя Гриша Корниенко ловил по семьдесят штук в день!) Вот Давидка их бил по носу и складывал, затем связал и повесил над дверью, чтобы кто первый из ребят придёт, наткнулся бы. На его несчастье первой пришла дежурная по подстанции симпатичная женщина, по-моему, её фамилия Роза Раппопорт. Что тут началось! Давидку вызвали к главному энергетнику, отчитали. Мне кажется, этот замечательный парень стал каким-то учёным, после войны он куда-то уехал.

Забавно было, когда мы вытаскивали большие электродвигатели из подвала. Уцепится нас, пятнадцатилетних ребят, человек десять за верёвку, и под прибаутки тащим его на поверхность. Взрослых мужчин у нас было не более пяти человек. Обмотчик моторов Иван Тимофеевич Теплищев, Михаил Иванович Вдовиченко, Пётр Фролович Кудашкин и начальство. С Петром Фроловичем мы однажды дежурили на электроподстанции. Он у меня был старший, я помощник. Смена подходила к концу, где-то пятнадцать минут восьмого утра. Мы сидим с ним у окна. Вдруг раздался сильный взрыв. Мы с ним попадали за окно. Оказалось, ворона села с кишкой в клюве на масляный выключатель 35 киловольт и перемкнула. За её проделки нас лишили премии.

Я стал обслуживать колбасный завод. Механическая мастерская колбасного завода находилась на четвёртом этаже, а цех медпрепаратов под мастерской на третьем. Вот наши мужчины постучат по паровой трубе, рядом с которой было солидное отверстие, и кричат женщинам, как на Украине: «Пидставляй спидницю», и бросали им колбасу. В ответ на шнурочке поднимались какие-то спиртосодержащие лекарства типа маммина, эндокринспирина, которые предназначались животным для размножения, и, конечно, гематоген.

В годы войны мясокомбинат выпускал основную продукцию – мясо различных категорий, сало-шпиг, колбасы, субпродукты, концентраты для фронта и населения (таблетки каши, супы). В холодильнике, я помню, хранились огромные запасы американских продуктов: сало-шпиг, масло, сгущённое молоко, различные консервы.

Помню, когда я был ещё школьником, нас приводили в холодильник складировать американскую тушёнку. Так хотелось есть, и нам так ни одной баночки не открыли. Зато Федя, мой сосед по бараку, ухитрился подшутить над своей сестрой Полиной. Где-то в холодильнике он обнаружил сухой чёрный перец, взял горсточку его и, придя домой, сказал сестре: «Полина, вот сухая смородина, попробуй». Что тут было! Полина и молоком пыталась заглушить жжение, и водой.

Неприятную историю, связанную с таблеточным цехом, пришлось пережить и мне. Иван Александрович Моисеенко, бывший главный энергетик завода «Сигнал»,

Здание бойни. Снимок 1940-х годов.

тогда работал, как и я, электромонтёром на мясокомбинате. Он обслуживал цех пищевых концентратов (таблеточный) и принёс две или три таблетки каши. Есть-то нам всем хотелось – война. Вот мы поставили эту кашу из таблеток на плитке варить в стол верстака. Надо же было случиться: когда каша закипела, зашёл главный инженер Андрей Петрович Скопин. Он стал кричать: «Вы меня сожжёте!» и т.д., «Завтра ко мне в кабинет!» И вот мы втроём у него в кабинете. Он опять стал нас воспитывать и наказал – на месяц послал за территорию обслуживать водонасосную станцию (ту, что по пути на кладбище). Кто знает, может быть это последствия того наказания – я и сейчас недослышу. Дело в том, что там работали воздушные компрессоры, которые закачивали в скважины воздух, чтобы выдавливать оттуда воду (эрлифт). Шумели они страшно. Вращались они мощными электродвигателями с фазным ротором, запускали их электрики. После смены оттуда выходили полуглухими.

На бойне работать было тяжело, а вот ребятам, которые работали на заводе, было ещё труднее. Отстояв смену за станком, они шли на бойню во вторую смену, чтобы поесть. Для них специально варили мясные отходы, потроха. Однажды, уже в 1960-е годы, мы разговорились с Верой Дмитриевной Карнеевой, бывшей библиотекарем в заводской технической библиотеке. Она мне рассказала, как, узнав о том, что редактор нашей заводской газеты Виктор Тельпугов (потом он стал писателем, написавшим ряд книг, в том числе и о нашем заводе «Все по местам!») ходит на «шарабан», так называли эти походы на мясокомбинат, то поставила вопрос на партийном собрании (а она была секретарём парторганизации), но потом, говорит, я подумала: «Есть-то всем хочется».

Удивительно, что в таких условиях народ находил силы и время заниматься художественной самодеятельностью, и какие были таланты! На заводе в 03 цеху работали два парня – Володя Шутенко и Володя Петрушков. Так вот, как мне рассказывала моя сестра Мария, работавшая в том же цеху, когда они запевали «Вдоль по Питерской», сходился весь цех, чтобы послушать их. Мой друг Василий Иванович Быковский, работавший там же, обладал чудесным голосом. Не могу забыть, как выбивал чечётку Константин Константинович Эмиров с другом. «Ксиньч» – так ласково его звали – был замечательный слесарь, часовщик, музыкант, настраивал рояли, пианино и т.д. А какую огромную роль играли «радио-тарелки» (репродуктор в виде тарелки). В войну по радио передавали оперы, спектакли, оперетты. Могучий голос

Левитана извещал о передвижении фронтов. Мы с горестью слушали, когда какой-то город с боями сдали, или с радостью, когда освобождали города.

9 мая наша мама часов в шесть утра разбудила нас с сестрой: «Что же вы спите? Ведь война кончилась!» Не знаю, откуда она узнала, наверное, кто-то из соседей услышал по репродуктору. В 10 часов около мясокомбинатской конторы были поставлены две импровизированные трибуны, выступали бывшие фронтовики, руководители предприятия. Одним из первых выступил дядя Ваня Христофоров, он был контужен и недавно пришёл с фронта, говорил заикаясь. Народ плакал от радости, а те, у кого погибли на фронте родные, от горя. День был солнечный, но немного ветреный. Прошло 65 лет, но этот день остался в моей памяти навсегда. Самое большое моё желание: чтобы всегда был мир, чтобы молодое поколение никогда не знало тех тягот, которые достались нам!

В электроцехе было много очень хороших людей. Алексей Иванович Солодовников, главный энергетик мясокомбината. Он был направлен в атомную промышленность по партийному набору. Мне кажется, это комбинат «Маяк». Он приезжал сюда будучи награждённым орденом Ленина.

Иван Моторный, грамотный, симпатичный парень. В 1947 году, когда была реформа денег, он меня вместе со своей невестой впервые свозил в театр Чернышевского на оперу «Иван Сусанин». Может быть, с тех пор я стал неравнодушен к оперному искусству.

Из нашего электроцеха, как ни странно, вышла народная артистка СССР Зоя Фёдоровна Спирина, игравшая в Саратовском ТЮЗе. Помню, как она у нас в бараке меняла проводку. Красивая девушка в комбинезоне. Паша Абраменко мне говорил, что он с ней работал.

В конце войны в цех пришли ранее судимые (отсидели по десять лет). Мощные красивые мужчины, работали они за пятерых, но как только попадало хмельное, то могли натворить беды. С одним из них, с Костей Кувшиновым, мне пришлось менять воздушную линию на Транспорте. Целыми днями приходилось сидеть на столбах. Тяжело, но было так приятно от сделанного, что как-то вдохновляло, да и заработали мы не плохо.

После войны стали приходиться фронтовики. Нас с Иваном Ивченко назначили обслуживать колбасный завод. Иван был постарше меня на год. Он был круглый сирота. У меня отец умер, когда мне было шесть лет, но хоть мать была, а он круглый сирота. Родился он в селе Узморье, оттуда его совсем маленьким отправили в город Маркс в немецкий детский дом. До одиннадцати лет он не знал русского языка. Для меня он был как брат. Добрый, трудолюбивый. И вот нам назначили старшего, пришедшего с фронта Василия Ивановича Далечина, он стал нам с Иваном за отца. За все пять лет, что мы с ним работали, ни разу не слышали от него не то что грубого слова, но он даже никогда не повышал голоса, хотя, сами понимаете, в подростковом возрасте бывают и ошибки, и шалости. Василий Иванович играл на пианино и на саратовской гармошке, что сейчас явление довольно редкое. Человек он был очень скромный. Иногда по нашей

просьбе рассказывал, как таскал барабаны с телефонным проводом по передовой, а вот о том, что он играет на музыкальных инструментах, я узнал позже, когда пригласил его домой. Я был буквально поражён его игрой. Ему в ту пору было за семьдесят. Родная племянница Василия Ивановича, Антонина Яшкина, была профессором Саратовской консерватории. Однажды Василий Иванович попросил меня, чтобы я свозил его вместе с женой, Ириной Григорьевной, на его родину – в село Красный Яр, которое находится за Ровным и за Черebaевым Волгоградской области. Само старое село затоплено Волгоградским водохранилищем, и лишь небольшой островок и остатки церкви выглядывают из воды.

Мы с моим другом Иваном любили посещать семью Далечинных. Наверное, оттого, что тётя Ира (Ирина Григорьевна) была очень гостеприимна, да и с детьми его мы дружили. Я и сейчас не потерял с ними связь, хотя Василия Ивановича и Ирины Григорьевны уже нет. Их дочь Александра живёт в Одессе, её сын Борис Барский – известный артист из группы пантомимы «Маски-шоу». Другая дочь, Валентина, живёт в Волгограде, сын Геннадий умер. В моей памяти Василий Иванович останется образцом человеколюбия.

Сейчас очень много говорят по телевизору, что плохо относились к пленным немцам. В конце войны на мясокомбинат прислали человек двадцать пленных немцев. Один из них работал на телефонной станции, ремонтировал приборы, другие были грузчиками в холодильнике. Ваня Ивченко стал с ними говорить на немецком языке: откуда они, есть ли дети, и т.д. Жили они в бараке старой пекарни. Питались они хорошо, не знаю, какое было за ними наблюдение, что удивительно, я не заметил, чтобы кто-то к ним относился с ненавистью.

На Увекe, на высоком берегу стоял барак, в котором жили пленные немцы. Вот, бывало, когда едешь на поезде, они сидят и играют на губной гармошке. Видел я и в оперном театре их в хорошо начищенных ботинках, чистой одежде. Спрашивается, кому же верить? Ящику, показывающему, как к ним плохо относились, или своим глазам?

Я уже говорил, что после войны стали возвращаться фронтовики. На защиту страны с мясокомбината ушло триста человек, вернулись – 165. В цех пришли Фёдор Иванович Верин, начальником цеха стал Пётр Васильевич Сидоров, главным энергетиком – Фёдор Павлович Мельников, Качкин Александр Васильевич, слесари колбасного завода Шубины Александр Васильевич и Николай Васильевич, Ларин дядя Володя и другие. Работать стало легче, веселей. В 1946 году меня премировали отрезом на рубашку, материал назывался «гуальденор». Ходил я в ту пору в комбинезоне, сшитом моей мамой из мешковины, а позже мне привёз с фронта муж моей сестры, Иван Алексеевич, немецкий комбинезон. Это уже был «шик».

Два года я не учился. Не было ни учебников, ни возможностей – работали по десять часов. В 1947 году пошёл в вечернюю школу. Немного походил и потом чуть не бросил. Пришёл Пётр Васильевич Лысенко (учитель

*Линии электропередачи на территории мясокомбината
Снимок 1960-х годов.*

математики), меня вызвали к начальнику колбасного цеха Екатерине Ивановне Скалиной. Они со мной как следует поговорили, и с тех пор я втянулся в учёбу.

Вот вы скажете, а зачем обо всём этом говорить? А дело в том, что и работа, и учёба, и досуг – всё было в нашей жизни.

Никогда не забуду, как мы тянули электролинию к мясокомбинатской железнодорожной остановке. Рыли ямы под столбы, метр восемьдесят глубиной, и всё с лома. А ведь это была основа для нынешней благоустроенной остановки. Начиная с 1960-х годов началось бурное социально-экономическое развитие мясокомбината. Вводились новые производственные мощности, высокомеханизированная бойня, птицепех, новые механические мастерские, котельная. Построен и оборудован цех ширпотреба. Неузнаваемо изменился облик нашего посёлка. К 1978 году был снесён последний барак.

А теперь сами судите, как мы, ветераны, должны относиться к тем, кто разрушил этот гигант мясной промышленности, лишивших тысячи рабочих мест и средств существования.

РУКОВОДИТЕЛИ ЭНГЕЛЬССКОГО МЯСОКОМБИНАТА ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

- Директор **НАЙДИС** Роман Исаакович.
- Главный инженер **СКАЛИН** Андрей Петрович.
- Главный технолог **РАБИНОВИЧ** Давид Осипович.
- Главный механик **ВАСИЛЬЕВ** Павел Васильевич.
- Главный энергетик **МЕЛЬНИКОВ** Фёдор Павлович (до него был **СОЛОДОВНИКОВ** Алексей Иванович).
- Начальник бойни **ШЕВЦОВ** Тимофей Григорьевич.
- Начальник холодильника **КУРАПОВ**.

Начальник колбасного цеха **ТИМУХИН** Георгий Иванович (после него стала **СКАЛИНА** Екатерина Ивановна).

Начальник компрессорной **БЕЛЯЕВ** Михаил Иванович.

Начальник электроцеха **МИТРОФАНОВ** Михаил Петрович (после него **СИДОРОВ** Пётр Васильевич).

Начальник цеха пищевых концентратов **ДМИТРИ-ЕНКО** Марк Павлович.

Начальник пирожкового цеха **ЗАЙЦЕВ** Иван Захарович.

Начальник цеха мороженого **СОЛОВЬЁВ** (и **ПАНИН**).

Начальник водонасосной станции **КАЧКИН** Иван Максимович.

Начальник отдела кадров **КАМЕНСКИЙ** Игорь Иванович.

Начальник 1-го отдела **СТРАДЗЕ** Жан Янович.

Скотобаза – **МЕЖИКОВСКИЙ**.

Снабжение – **КОРОСТЕШЕВСКИЙ**.

Осадочное – **ВАВИЛОВА** Анна Тимофеевна.

ОПВК (ветеринарный контроль) – **КУЗНЕЦОВА** Екатерина Михайловна.

Секретарь парткома **ТИХОНОВ** Иван Степанович.

Комитет ВЛКСМ – **ШАРАЛАПОВ** Виктор Борисович (до него **ГРИНБЕРГ**).

Цех медпрепаратов – **МОТОРНАЯ** Софья Сергеевна.

Шкуропосолочный цех – Александр Васильевич **АНИСИМОВ**.

При проектировании мясокомбината очень хорошо была решена задача канализационной системы. Первая насосная станция (канализационная) была построена рядом со школой и 5-м жилым домом, 2-я – на Почтовке, и затем 3-я насосная станция – за основным оросительным каналом.

Канализационные отходы с бойни и других подразделений (мясокомбинат был большим потребителем воды) и с жилого посёлка поступали на поле. Там были разбиты обвалованные «карты», которые периодически менялись по мере заполнения. Там же, на 3-й насосной станции, было подсобное хозяйство, где выращивали овощи для трудящихся мясокомбината.

Иван Андреевич АКИМОВ

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭНГЕЛЬСКОГО МЯСОКОМБИНАТА

В период индустриализации страны наряду с развитием тяжёлой промышленности была поставлена задача создания крупной пищевой индустрии для снабжения населения продуктами питания. Постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР (№ 567) от 16 июля 1931 года было намечено строительство восьми крупных мясокомбинатов, в числе которых – мясо-

*Парторг строительства мясокомбината
Николай Фёдорович Копылов
с женой Александрой и дочерью Евгенией.
1940 год.*

комбинат в городе Энгельсе, в то время столице АССР Немцев Поволжья.

В том же 1931 году был отведён участок для строительства объекта площадью 60 гектаров в районе станции Анисовка, что в девяти километрах от Энгельса.

17 мая 1931 года площадку осмотрел народный комиссар пищевой (позднее – мясной) промышленности Анастас Иванович Микоян, который и в дальнейшем курировал стройку.

Всесоюзному проектно-строительному тресту «Мясохладстрой» Наркомата снабжения СССР было поручено строительство комбината, для чего трест образовал в Энгельсе Управление строительства Энгельского мясокомбината «Мясохладстрой». Об этом рассказали не только названные выше документы, но и республиканская (АССР НП) русскоязычная газета «Трудовая правда» 17 октября 1931 года.

Торжественная закладка фундаментов первых корпусов состоялась 16 августа 1932 года. На этом событии присутствовал А.И. Микоян.

Со дня образования комбинат был подчинён Всесоюзному объединению мясной промышленности, с 1934 года по 1941 год – Главному управлению мясной промышленности Наркомата пищевой промышленности СССР.

15 января 1936 года пуском в эксплуатацию первой очереди холодильника ёмкостью 3570 тонн комбинат начал свою работу, в сентябре того же года в строй действующих вошли вторая очередь холодильника и колбасный

